

□

Имидж государства был и остается значимым феноменом индивидуального восприятия и массового политического сознания. Его по праву должно рассматривать как национальную ценность международного значения, существующую в контексте конкретного пространства и времени. Имидж государства был и остается значимым феноменом индивидуального восприятия и массового политического сознания. Его по праву должно рассматривать как национальную ценность международного значения, существующую в контексте конкретного пространства и времени.

На протяжении столетий динамика имиджа России определялась не столько известным «маятником» Европа – Азия, сколько расширением, экспансией самого образно-географического поля России. Так что не иссякает потребность в создании и эффективном использовании геополитики образов (имиджей) России.

Политика образов – это целенаправленное позиционирование и манипулирование специализированными политико-культурными, экономико-географическими и другими символами. Преследуемая цель – создание максимально структурированного пространства (поля) содействия позитивному восприятию национальных интересов России, а также целенаправленная поддержка решений политического, экономического и военного характера.

Рождение эффективного геополитического имиджа невозможно без теоретически обоснованной стратегии. Суть последней – пропаганда позитивного образа России, главные акценты которого базируются на максимально глубоком использовании национальной идеи, включающей идеологические и мифологические контексты, а также выработка различных механизмов, продуцирующих принципиально новые геополитические интерпретации.

Имидж государства имеет несколько модификаций – это обязательное условие его существования и развития. Речь идет о своеобразном спектре (или «бриколаже» [1]) особенностей восприятия различными субъектами национальных интересов, которые, в свою очередь, проистекают из национальной идеи. Условно-графически картину передает известный опыт Исаака Ньютона по разложению луча солнечного света, пропущенного через стеклянную призму. В роли «солнечного луча» выступают национальные интересы (внешние или внутренние – в зависимости от конкретной цели). «Призма» факторов преломляет луч национальных интересов в цветовую гамму образов, символов, смыслов, каждый из которых предназначен для конкретного субъекта.

Распределением и проекцией образного спектра необходимо управлять. Геополитика образов, по сути, и означает «самонаведение образов» в результате их беспрестанного перемещения и репозиционирования. Она позволяет не только интерпретировать важные политические, экономические и культурные акции, но и целенаправленно конструировать пространства определенной образной конфигурации, воздействующие на ход реальных событий и способствующие достижению российских национальных интересов.

Поговорим чуть подробнее о содержании понятия «национальный интерес». Согласно Концепции национальной безопасности, национальные интересы России представляют собой совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах [2].

Один из отцов-основателей теории политического реализма Ганс Моргентау включал в понятие «национальный интерес» следующее:

1. Национальный интерес – объективная данность. Он основан, во-первых, на своеобразии геополитического положения государства и связанных с ним особенностях геоэкономического

и социокультурного развития; во-вторых, опосредуется особенностями человеческой природы.

2. Государственные деятели обязаны исходить из того, что хорошая политика – это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый национальный интерес. База такой политики – чётко выстроенный имидж государства, через который происходит восприятие национального интереса.

3. Национальный интерес кардинально отличается от общественного интереса. Национальные интересы обеспечиваются внешней политикой, а общественные – внутренней. Они не должны ни противопоставляться, ни сливаться.

В странах, переживающих переходный период своего развития, наблюдается не только рост взаимовлияния национальных и общественных интересов, но и усиление приоритета вторых над первыми. Именно такая ситуация характерна сегодня для России. В этой связи разделение в Концепции национальной безопасности Российской Федерации национальных интересов на интересы во внутривнутриполитической и международной сферах является правомерным.

Интерес – категория объективно-субъективная. Причем объективным в своей основе может быть не только истинный, но и ложно понятый интерес. Примером тому является существовавшее десятилетиями на Западе мнение о «советской военной угрозе», о том, что наращивание вооружений кардинально обеспечивает защиту демократических государств. И пусть СССР не был заинтересован в нападении на западные страны, его поведение давало основание для недоверия к нему. В свою очередь, внешнеполитическая стратегия США позволяла лидерам СССР считать, что усиление обороноспособности Советского государства – важнейшая составляющая национального приоритета.

Обе диспозиции сыграли решающую роль во взаимной демонизации друг друга средствами информационных и непрямых военно-политических действий. По существу же гонка вооружений не отвечала интересам ни одной из сторон.

Изложенное позволяет понять, что интерес – это отношение потребности к условиям ее реализации. В частности, национальный интерес проявляется через сознательную деятельность лидеров, отражающую потребности государства. Чем более активно и целеустремленно политические лидеры позиционируют национальные интересы, тем более четкий образ государства формируется в сознании собственной и зарубежной общественности.

Важнейшим приоритетом национального интереса ныне является включение страны в мировую систему экономического развития, поскольку в процессе глобализации выявилась «почти абсолютная закономерность: ни одна страна не способна добиться серьезного экономического роста и роста благосостояния населения без растущего вовлечения в мировую экономику» [3]. В структуре национального интереса на первый план выходит стремление к обладанию передовыми технологиями, обеспечивающими совместимость с самыми современными средствами информации, связи и транспорта. Военный же фактор и связанные с ним стратегии в иерархии национальных интересов теряют лидерство, впрочем, продолжая играть далеко не последние роли.

В чем же, на наш взгляд, состоят сегодня приоритетные национальные интересы России?

Во-первых, в обеспечении территориальной целостности и независимости российского государства. Во-вторых, в построении рыночной экономики, основанной на товарном производстве, с перспективой широкого выхода отечественных товаров на мировой рынок. В-третьих, во всемерной демократизации общественной жизни и в утверждении подлинного народовластия. В-четвертых, в создании условий для свободного развития и проявления индивидуальности каждой личности, реализации ее духовного потенциала. В-пятых, в активизации интеграционных процессов со странами – членами СНГ. В-шестых, в упрочении на международной арене мира и безопасности. В-седьмых, в усилении миротворческой роли России. И т.д.

На динамизм национального интереса (а также и имидж России) оказывают существенное влияние общемировые цивилизационные тенденции [4], главными из которых являются:

- появление благоденствующих криминальных государств, анклавов, территорий;
- все большее влияние на политическую жизнь отдельных государств представителей национальной и мировой криминальной среды, изменяющей в своих интересах механизмы государственно-политического целеполагания;
- заметное ухудшение цивилизационного генофонда;
- почти необратимое изменение векторов ценностной ориентации населения от «развития» к «потребительству»;
- образование параллельной виртуальной экономики, т. е. экономики, базирующейся не на природных ресурсах и эффективном производстве, а на технологиях, дающих возможность получения прямой прибыли исключительно в самом процессе управления, не подкрепленном мировыми финансовыми потоками;
- бесконтрольность и неуправляемость основных товарных, финансовых и миграционных потоков;
- девальвация гуманистической составляющей международной политики, приводящая к дальнейшему углублению разобщенности «богатого» и «бедного» миров и, как следствие, к ужесточению проводимой государствами «политики национальных интересов любой ценой»;
- крушение суперэтнотосов;
- «размывание суверенности» государств – основного государствообразующего признака и т. п.

Мировое сообщество не вполне осознает существующий негатив. Проводимая практически всеми государствами «политика национальных интересов любой ценой» доминирует во внешнеполитических и внешнеэкономических сферах. Такой подход резко снижает шансы на выживание в глобализирующемся мире.

Образ России в глазах россиян определяется не столько национальными интересами, сколько их соответствием национальной идее и насущным потребностям граждан. В силу многофакторности процесса конструирования имиджа страны, удовлетворяющего потребностям национальных интересов России на Западе и Востоке, целесообразно провести декомпозицию основных тенденций формирования указанного имиджа в координатах «Россия–Запад» и «Россия–Восток».

Некоторые имиджевые параметры системы «Россия – Запад» очевидны. Один из устойчивых – восприятие России с точки зрения восточной экзотики [5]. Претерпевая историческую эволюцию, Запад в отдельные периоды в большей или меньшей степени склонялся к положительной оценке культурно-исторической сущности России. Однако при всех условиях Россия воспринималась им как нечто отличное от него самого, как особый мир, обладающий неповторимыми характеристиками, образом жизни, ментальностью и культурой.

Наличествуя также неоспоримые факторы взаимного отчуждения и непонимания, порождающие ряд проблем. В частности, довольно широко распространено убеждение, что Запад органически не способен понять Россию (речь идет о понимании в герменевтическом смысле, т. е. в смысле «вживания», «вчувствования», постижения духа). И. Ильин, скажем, видел три основные причины такого непонимания [6].

Первая – языковая: русский язык не принадлежит к романо-германской группе и к тому же вытеснен из основной части Европы. Вторая – Западу чужда русская православная религиозность: Европа искони шла за Римом – сначала языческим, затем католическим; русскими же воспринята греческая религиозная традиция. Третья причина связана с особенностями мировосприятия и психологической структуры: «Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет, прежде всего, сердцем и воображением и лишь затем волею и умом» [7].

Сегодня у Запада нет реальных оснований ожидать от России агрессивных проявлений. Однако, с учетом инерции мышления, нельзя быть уверенным в том, что он полностью избавился от подозрений подобного рода. Утрата образа внешнего агрессора деформирует самоидентификацию Запада как благодетеля человечества. А. Тойнби в этой связи отмечал, что если западный человек сумеет «хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» и посмотреть на столкновение между Западом и остальным миром глазами огромного

не-западного большинства человечества», то он обнаружит непривычную для него картину: «Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все – русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные – ответят одинаково. Запад, скажут они, – это агрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии» [8].

При всём при том западный мир склонен обостренно-негативно воспринимать любые проявления активности со стороны других. Даже незначительные «телодвижения», скажем, России или Китая вызывают его страх и возмущение. Склонность Запада видеть агрессивный замысел там, где, по мнению других участников международного процесса, его нет, необходимо принять как реальность, которую не следует игнорировать.

В восприятии Западом России важную роль играет также система сложившихся мифов. Речь идет, прежде всего, о коллективном мифе, выражающем устойчивые представления данной общности людей об особенностях, месте и отношении к другим общностям. В настоящее время наиболее рельефно выделяется несколько структурных типов западного мифа о России, а именно: бытовой, литературный и политический.

Бытовой миф рождён в рамках литературы о путешествиях. При кажущейся простоте задачи описания бытовой стороны жизни другого народа, в действительности, это исключительно сложный процесс, требующий вживания в обстановку. Поскольку организация быта в России с точки зрения западной цивилизации стоит на достаточно низком уровне, то европеец, как правило, не идет на бытовое сближение. Он предпочитает оставаться в искусственно созданных для него условиях и занимает позицию пассивного наблюдателя. Со стороны же многие явления иной бытовой культуры остаются неясными, а объяснение их в рамках привычных европейских норм еще больше искажает действительность.

В основе литературного мифа – отождествление художественного мира русской классической литературы и российской реальности, как таковой. Предполагается, что по литературным коллизиям можно судить о жизненных реалиях, что литература тождественна последним. Творцами этого мифа о России чаще всего выступают сами русские. Западная позиция здесь, в известном смысле, пассивна: выбирается лишь понятное и укладывающееся в утвердившуюся ранее доминанту.

Политический миф базируется на представлении России страной политического деспотизма. Устойчивость столь нелестного суждения часто объясняют якобы присущей российскому населению склонностью и даже любовью к несвободе, к рабству. Сознание западного обывателя в абсолютном большинстве случаев категорически отвергает мысль, что Запад сам приложил руку к торжеству крайне непривлекательного и осуждаемого там политического строя. Поэтому признания, сделанные в свое время А. Тойнби, – редкое исключение из правил: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться <...> игу коренной власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако <...> русские научились терпеть ее оттого, что, без всякого сомнения, считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями» [9].

Западный миф о России, взятый в единстве политической, литературной и бытовой составляющих, расцвечен множеством вырванных из контекста деталей российской истории. Вместе с тем, нередко люди, разделенные между собой столетиями и наблюдавшие Россию при резко отличавшихся общественно-политических порядках, подмечают в российской жизни одни и те же недостатки. Наиболее частую критику у них вызывают слепое копирование, заимствование внешних форм.

В качестве другого общего недостатка россиян выделяется их неспособность к коллективным действиям. Индивидуализм западного мировоззрения удивительным образом сочетается со сплочённостью при достижении общественно значимых целей. У нас же дело нередко обстоит наоборот: декларации о единстве и «соборности» так и остаются

декларациями, в то время как способность к совместным выступлениям и поддержке друг друга крайне низка.

Из приведенного экспресс-анализа основных мифов и тенденций, определяющих негативный образ России в сознании Запада, можно сформулировать следующие рекомендации по его нейтрализации. Необходимо, во-первых, научиться уважать собственные национальные идеалы, избавиться от поголовного увлечения поверхностным подражательством, равно как и от заискивания перед Западом; во-вторых, проявлять, когда требуется, сплоченность и не бояться совместных действий и на уровне российского общества, и при взаимодействии с ближайшими союзниками; в-третьих, пора начинать относиться к свободе, жизни и достоинству человека как к высочайшим ценностям демократической России.

Вектор внешней политики России на Востоке складывается из двух направлений: отношения с ближайшими соседями по Содружеству Независимых Государств (СНГ) и отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Исторически это приоритетные сферы конкуренции национальных интересов различных стран. От того, насколько образ России окажется более предпочтительным перед другими, зависит степень реализации там российского национального интереса.

Восток, как известно, многолик, поэтому ценности его – в отличие от западных – не поддаются строгому упорядочению. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что на Востоке сейчас преобладает стремление к вестернизации в условиях глобализации, проводимой под флагом доминирования западных цивилизаций.

Как известно, стержнем вестернизации является господство транснациональных компаний (ТНК) в мировой экономике. ТНК ныне, подчинив себе информационные каналы, навязывая западные стереотипы и нормы поведения, решают судьбы правительств и политических режимов, унифицируют мышление, взгляды, мораль, поведение миллиардов людей. Вестернизация поэтому реально угрожает самобытности и будущему цивилизаций Востока.

Главным ресурсом сопротивления западной экспансии и, соответственно, возрождения Востока является цивилизационная самобытность, своеобразный духовный мир его народов, складывавшийся тысячелетиями, исторические традиции лидерства в прошлом [10].

Схема взаимодействия цивилизаций Востока и Запада в общих чертах имеет следующий вид:

- цивилизации зародились на Востоке, который в течение тысячелетий был центром культурно-исторического, технологического и экономического прогресса;
- Запад подхватил факел творческого лидерства и использовал его для подчинения и эксплуатации народов Востока (яркий пример – деградация экономики Индии, доля которой в мировом промышленном производстве сократилась с 24,5% в 1750 году до 1,7% в 1900 году);
- цивилизации Востока могут выстоять и возродиться лишь в результате модернизации, в ходе которой будут использоваться достижения науки, технологии, культуры Запада (убедительные примеры в последние десятилетия продемонстрировали Япония, новые индустриальные страны Азии и особенно Китай).

Однако чтобы оптимистический для Востока сценарий стал реальностью, необходимо преодолеть грандиозное сопротивление Запада, главной ударной силой которого выступает североамериканская цивилизация, реализующая стратегическую глобализацию по западным стандартам при опоре на ТНК.

В настоящее время зону жизненно важных интересов России в области экономики, обороны, национальной безопасности составляет все постсоветское пространство Азии. Сама Россия есть стратегический центр постсоветских государственных образований. Размеры территории, человеческие и природные ресурсы, экономический, научно-технический, интеллектуальный и военный потенциал объективно делают ее региональным лидером. Реалии таковы, что при всех симпатиях или антипатиях тех или иных политических деятелей центрально-азиатских государств СНГ, российский фактор обязательно будет присутствовать в любых их внешнеполитических начинаниях. Немаловажно и то, что экономика стран ближнего зарубежья ориентирована прежде всего на Россию и неразрывно связана с ней.

Национальные интересы России в этом регионе обеспечиваются, прежде всего, интеграцией и долгосрочными перспективами совместного экономического развития. Федерация заинтересована в сохранении доступа к сырьевым ресурсам Центральной Азии, в расширении рынка сбыта российских товаров, а также в создании пояса дружественных и зависимых от нее государств по периметру своих границ. Экономическая, а затем и, возможно, политическая интеграция в рамках СНГ способствовала бы снятию многих острых пограничных, территориальных и таможенных проблем регионального характера.

Итак, вполне понятно, что позитивный образ России на постсоветских просторах необходимо создавать в формате так называемого «единого военно-экономического и политического пространства», подкрепляя его разумной протекционистской политикой (примером таковой является, в частности, договоренность о поставках вооружения российского производства странам-участницам коллективной безопасности СНГ по льготным ценам).

В обозримой перспективе одним из самых динамично развивающихся регионов земного шара как в экономическом, так и в демографическом плане останется Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Значимость АТР для России возрастает также в силу того, что при ограничении возможности выхода в Атлантику через Черное и Балтийское моря здесь сохраняются ворота в мировой океан и в индустриально развитый мир.

В своем отношении к странам АТР Россия должна продемонстрировать, как представляется, близость базовых национальных ценностей и идеалов; готовность всемерно поддерживать исторически сложившееся научно-техническое (особенно военно-техническое) сотрудничество; геокультурные исторические связи между этносами, населяющими территории сопредельных с Россией государств; особенности и отличие национальных интересов России в регионе от интересов Запада и т.д. Национальные интересы России здесь материализуются, прежде всего, в новых рынках оружия, сырьевых и промышленных товаров. Благоприятствующим фактором является то, что в регионе, не считая территориальных претензий Японии, у России нет сколько-нибудь серьезных проблем, способных блокировать ее проникновение сюда.

Распад СССР и конец «холодной войны» привели к существенному изменению геополитической ситуации в бассейне Тихого и Индийского океанов. Особо важное значение приобретает нормализация российско-китайских отношений. Как справедливо заметил Дж. Хей: «Мир на земле опирается на Китай. Кто понимает Китай с точки зрения социальной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на следующие пять столетий» [11]. Поэтому одна из главных задач российской дипломатии состоит в том, чтобы сделать Китай своим союзником.

Для успешного решения её есть все предпосылки. Определяющее значение имеет то, что в общем балансе интересов преобладают взаимные. Прежде всего, обе страны заинтересованы в стабильности АТР. Сближают их также общность проблем Дальнего Востока, озабоченность ростом влияния исламистских стран, неприятие экспансии Запада и особенно США. Таким образом, более чем достаточно оснований наладить активное сотрудничество с Китаем, в том числе и в военно-технической сфере.

Кстати, к вооружению российского производства повышенный интерес проявляют многие страны АТР. Конструируя позитивный образ России в регионе, это нельзя не учитывать. Было бы правильно акцентировать внимание на собственном статусе высокоиндустриальной державы, поставляющей вооружение и военную технику, не уступающую, а часто просто превосходящую лучшие мировые образцы.

Даже конспективный обзор позволяет увидеть, что Россия на Востоке имеет гораздо больше признаваемых мировым сообществом интересов, чем на Западе. Поэтому с конца 90-х годов многие аналитики заговорили об очевидной бесперспективности и опасности грандиозного эксперимента по вестернизации России.

Осознание трагической ошибки в выборе приоритетных геополитических интересов приходит постепенно. Однако сегодня иницируются попытки найти свое место в цивилизационной нише между Востоком и Западом. Бесспорная миссия России – стать

своеобразной «буферной зоной» стратегической связки «Восток – Запад».

Такое видение перспективы РФ отчетливо сформулировал, в частности, академик Н. Н. Моисеев: «Север Евразии представляет собой мост между двумя очень разным цивилизациями, позволяющими позаимствовать опыт и мудрость обоих берегов... Положительную роль мог бы играть духовный фактор – система российских традиций, позволяющая сочетать многие особенности и европейского Запада, и тихоокеанского Востока... Роль России может оказаться чрезвычайно важной в условиях нарастающего противостояния между группой Азиатско-Тихоокеанских цивилизаций и Евро-Американской цивилизацией» [12].

В этих условиях необходимо четко определиться с тем, что может предложить РФ цивилизациям Запада и Востока. Вполне понятно, что в роли экономического партнера Россия сейчас привлекает и Запад, и Восток лишь в узком секторе экономики. Запад воспринимает её как источник сырья (который быстро исчерпывается), дешевой, но квалифицированной рабочей силы, а также как ёмкий рынок сбыта своей продукции. Для восточных цивилизаций, кроме перечисленного, могут быть соблазнительными некоторые высокие технологии – преимущественно оборонной сферы.

Тем не менее, Россия продолжает оставаться материально и духовно созидающей страной. Несмотря на тяжелое положение, по-прежнему востребованы достижения российской фундаментальной науки, культуры и образования. Этим продуктам в гуманистическом постиндустриальном обществе придаётся огромное значение. Нужно только научиться использовать их продуктивно.

Рассмотренное выше позволяет сформулировать некоторые чрезвычайно важные черты внешнеполитического имиджа РФ:

- Россия – гарант безопасности и устойчивого развития государств СНГ;
- Россия – центр евразийского пространства, мост между цивилизациями, расами, культурами, континентами;
- Россия – форпост на пути проникновения терроризма и наркобизнеса в Европу.

Культивируя международный имидж гаранта стабильности в евразийском регионе и связующего цивилизационного моста, России важно показать, насколько прочна она сама и надежны её намерения. Для этого, опираясь на практические достижения в сфере укрепления мер безопасности и доверия среди союзников по СНГ и партнёров в Европе и АТР, безусловно необходимы:

- целенаправленное и разнообразное коммуникативное воздействие на различные социальные группы и слои населения зарубежных государств;
- поддержка прессы и общественных движений, объективно способствующих укреплению международного положительного имиджа России;
- всестороннее сотрудничество со странами, борющимися с глобальными проблемами наступившего XXI века.

Изложенная программа основывается как раз на том, что действия любого государства как субъекта мировой цивилизации и одного из основных «игроков» цивилизационного поля включают в себя, во-первых, самоидентификацию в чётких границах, во-вторых, внятную формулировку своих национальных задач и приоритетов, в-третьих, планомерную конкретную работу по реализации последних. Только на такой базе должен строиться стратегический диалог России с государствами Запада и Востока, в результате которого возможны поиск компромиссов, гармонизация взаимоотношений сторон и поступательное движение от политики интересов к политике развития.

В свете выделенного подхода можно констатировать, что современный механизм формирования образов России есть совокупность наиболее важных действий, тактик, стратегий в мировом имиджевом пространстве. Ядром указанного механизма может стать хорошо продуманная кампания Паблик рилейшнз по созданию, распространению и внедрению в сознание широких масс научно-обоснованных предпочтительных имиджей. Сущность такой стратегии применительно к сегодняшней России состоит в разработке взвешенной системы действий, исходящих из уже существующих ключевых символов, а также в конструировании

новых образов – достаточно мощных и эффективных. В итоге постепенно сформируется пространство, в котором будут обеспечены и российские национальные интересы в области внешней и внутренней политики, и гарантии безопасности существования демократической России.

Статья опубликована на сайте ИАА "Мик"

10 марта 2004 г.

[1] См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 91.

[2] См. об этом: Концепция национальной безопасности РФ // Независимая газета. 2000. Июнь.

[3] Стратегия для России. М.: СВОП. 2000. 3 июля. Стратегия для России. М.: СВОП. 2000. 3 июля.

[4] См.: Владимиров А. И. О национальной государственной идее России // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2000. № 3. С. 52.

[5] См. об этом: Шаповалов В. Ф. Восприятие России на Западе. Мифы и реальность // Общественные науки и современность. 2000. № 1.

[6] См.: Ильин И. Наши задачи. М., 1992. С. 114.

[7] Ильин И. Наши задачи. С. 115.

[8] Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. М., 1995. С. 327. Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. М., 1995. С. 327.

[9] Цит по: Чеснов Я. В. Лекции по истории этнологии. С. 82.

[10] См.: Яковец Ю. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 40.

[11] Цит. по: Замятин Д. Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Полис. 1996. № 6.

[12] Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. С. 314.